

Конфликт с генералом Грантом зашел в тупик. Тем временем слухи об их отношениях за какие-то пару-тройку дней разрослись до невероятных масштабов, всколыхнув всё федеральное правительство.

Хань Цзин ловил на себе косые взгляды сослуживцев, но помнил о надеждах, которые возлагал на него Морис. Он ни словом, ни жестом не выдал перед любимым своего беспокойства. Напротив, он с головой ушел в работу, решив делом доказать коллегам свою состоятельность.

Когда в обеденный перерыв он в очередной раз вошел в столовую с подносом в руках, его лицо выражало абсолютное спокойствие. Однако в глубине души, обостренно чувствительной к любым переменам, Хань Цзин напряженно улавливал каждый шепот, доносившийся из-за соседних столиков.

— Слышали? Пару дней назад генерал Грант в Берлинском санатории устроил жуткий скандал!

— Говорят, генерал Морис действительно привел туда этого своего Хань Цзина. Что у него вообще за прошлое? Он ведь и года в ведомстве не проработал.

— Да кто его знает! Но раз сумел растопить такую глыбу, как Морис, хватка у парня мертвая. Да и смазливый, небось.

— Ну и что с того? Генерал Грант — скала, ее не сдвинешь. Слышал, парню от него прилично досталось.

— Seriously?!

— Точно не знаю, но сплетничают разное. Морис только с виду ледяной, а внутри, похоже, извращенец еще тот. С чего бы это четырехзвездный генерал ложился под мужика? Лично мне от одной мысли тошно.

— Тише ты...

— Да чего бояться? Об этом все судачат. Не верю я, что они с Морисом действительно поженятся.

— Хань Цзин?! — Кент, новый коллега Хань Цзина, сидевший через три ряда столов и с упоением прислушивавшийся к пересудам, случайно поднял голову. Заметив приближающегося к нему с мягкой улыбкой Хань Цзина, он поспешно выпрямился. Его собственная улыбка вышла натянутой.

На самом деле Хань Цзин не вслушивался в их разговор, но фальшь на лице Кента выдала всё с головой. Сидевшие за соседними столиками незнакомцы, которые только что увлеченно

перемывали ему кости, тут же смолкли и поспешно уткнулись в свои тарелки.

— У нас тут свободно, присаживайся! — Кент помахал рукой, пряча заискивающую улыбку.

— Сегодня на удивление аппетитно выглядит, правда? — поддержал разговор Хань Цзин.

Он сел за стол, но улыбка угасла, едва он почувствовал, какая глухая стена отчуждения выросла вокруг него. Разговор мгновенно смолк, воцарилась неловкая тишина. Коллеги зажались, словно Хань Цзин был незваным гостем, бесцеремонно нарушившим их уютное веселье.

Он честно пытался завязать беседу, нащупать общие темы, но напряжение не спадало. Разговор клеился плохо, тонул в липком молчании и вымученных смешках. Когда этот обед наконец подошел к концу, все присутствующие, включая самого Хань Цзина, вздохнули с нескрываемым облегчением.

— Вот твое заявление. Твой отец, конечно, рвет и мечет, но я все же взял этот удар на себя и утвердил его, — Андрей, сидевший за своим массивным столом, протянул Морису документ. Перед этим он жестом велел Рут плотно закрыть дверь кабинета.

— Слухи в последнее время вышли из-под контроля. Думаю, парню сейчас приходится несладко?

— Хань Цзин молчит, но я понимаю, как ему тяжело, — Морис бегло просмотрел подписанный бланк и поднял взгляд на начальника. В его обычно бесстрастном лице промелькнула теплая признательность. — Он не умеет лавировать или заискивать перед толпой. Всё держит в себе. Спасибо вам, сэр. Обещаю, что во время отпуска дома я не заброшу дела и буду контролировать все вопросы, связанные с Хароном.

— За твою работу я спокоен, — мягко улыбнулся Андрей, внимательно разглядывая собеседника. За последние пару недель Морис заметно посвежел, его бледность сменилась здоровым цветом лица, а фигура слегка округлилась. Похоже, его спутник заботился о нем с особым усердием. — Но меня беспокоит твоя привычка трудиться на износ. Это может навредить здоровью. Если не возникнет никаких чрезвычайных ситуаций, перепоручи текущие задачи Евгению. В конце концов, ты сам его продвигал. Разумеется, это лишь дружеский совет.

— Я уже переговорил с генерал-лейтенантом Евгением, — ответил Морис. — На время моего отсутствия он возьмет на себя часть обязанностей. К тому же он тоже из числа тех, кто тогда случайно уцелел в Атлантиде.

— И все же... — Андрей задумчиво кивнул. — Ты твердо решил стоять на своем? Невзирая на

ярость отца?

— Сэр, вы знаете моего отца не первый десяток лет, — Морис слегка нахмурился. — Его гнев утихнет еще нескоро, на это уйдут годы. А слухи множатся и грозят перерасти в лавину. Я предпочитаю встретить бурю лицом к лицу. Если мы заявим о себе открыто и законно, это лишит сплетников главного козыря. Скрываться — значит давать повод тем, кто пытается раздуть этот скандал.

— План разумный, но злые языки все равно найдут к чему придраться... — Андрей подпер подбородок рукой, погружаясь в размышления. — Ты действуешь слишком резко, даже импульсивно. К счастью для тебя, проект «Атлантида» перекрывает любые репутационные риски. Ты остаешься ключевой фигурой в исследовании этой сверхцивилизации, и в федеральном правительстве никто не посмеет пошатнуть твоё положение. Уверен, эта мышьяная возня со слухами тебе не повредит.

Вскоре после возвращения на своё рабочее место Хань Цзин получил вызов от Кэтрин — секретаря Мориса. Она передала, что генерал ждёт его. Спустившись из своего отдела «Нордик» на шестом этаже, Хань Цзин поднялся на лифте на шестнадцатый. Он постарался скрыть усталость и тревогу, чтобы предстать перед возлюбленным собранным и спокойным.

— Генерал у себя, — Кэтрин коротко постучала и приоткрыла дверь, пропуская Хань Цзина.

— Господин генерал, — Хань Цзин вытянулся по струнке и отдал честь.

Дождавшись, пока Кэтрин закроет дверь с той стороны, Морис отложил официальный тон. Его взгляд заметно потеплел.

— Присаживайся. Наш разговор не касается службы.

— Если дело личное, то... может, обсудим его дома? — нерешительно предложил Хань Цзин, помня о бдительном внимании коллег.

— Сейчас обеденный перерыв, — мягко возразил Морис. — К тому же я просто соскучился. Взгляни-ка на это.

Морис протянул ему лист бумаги с официальной печатью.

Хань Цзин принял документ обеими руками. Стоило ему пробежать глазами строчки, как дыхание перехватило от волнения. Это был утверждённый рапорт о предоставлении Морису отпуска по случаю бракосочетания!

— Я сверил график на ближайший месяц. Относительное затишье будет только в эти дни. Дальше начнется плотная работа по Симо и Харону, свободного времени не останется вовсе. Так что я предлагаю взять отпуск прямо сейчас. Что скажешь?

— Ты хочешь сказать... мы регистрируем брак? — Сердце Хань Цзина заколотилось как сумасшедшее, но сквозь эйфорию пробился голос разума. — Но как же твой отец? Его здоровье и так подорвано, а после того, как он... избил меня... Я боюсь, что известие о нашей свадьбе окончательно его подкосит.

— Я слишком хорошо знаю характер своего отца, — покачал головой Морис. — Даже когда родится наша девочка и сделает свои первые шаги, он всё равно будет упрямым. Но всё не так безнадежно, как кажется. Утром звонил Марко. Он уже ввел отца в курс дела касательно Атлантиды. Думаю, рано или поздно ему придется смириться с реальностью.

— Но если Марко взялся помочь, может, нам стоит дождаться, пока твой отец хотя бы немного остынет?..

— Он примет это, но на примирение уйдут месяцы, если не годы, — мягко прервал его Морис. — А как быть с твоей семьей? Насколько я знаю, твоя мать настаивает на прояснении ситуации.

Морис решил на этот шаг не только из-за удушающих сплетен в штабе, но и ради самого Хань Цзина. Тот терпел молча, но Морис не раз замечал, как любимый поспешно скрывался в другой комнате, чтобы ответить на бесконечные встревоженные звонки из дома.

Хань Цзин старался не подавать виду, насколько его измотали эти расспросы, но у Мориса был невероятно чуткий слух.

Заметив замешательство Хань Цзина, Морис продолжил:

— Нам нужно расписаться без лишней помпы. Это успокоит твоих родителей и не даст моему отцу повода для новых резких шагов. Что касается сплетен... поженимся мы или нет, они никуда не денутся. Раз уж мы решили быть вместе, бегать от разговоров бессмысленно. Нужно решить этот вопрос раз и навсегда. Иначе слухи заострятся, превратятся в «истину», и тогда отмыться от этой грязи станет куда сложнее.

— Я всё равно беспокоюсь о твоём отце... — Хань Цзин не мог избавиться от тревоги. Спина до сих пор помнила тяжелые удары трости, и он понимал, насколько глубоко генерал Грант презирает его.

— Знаю. Но если мы затащим с браком, тебе придется несладко, а я не хочу усложнять тебе жизнь. К тому же неопределенность лишь подстегнет домыслы. Пока наши отношения не узаконены, у недоброжелателей остается слишком много лазеек, чтобы вредить нам. А с отцом я что-нибудь придумаю.

В итоге Хань Цзин уступил твердости Мориса. На следующий день после того, как он подал заявление на отпуск, новость об этом взорвала коридоры правительства с новой силой. Какими бы косыми взглядами его ни провожали, Хань Цзин продолжал безупречно выполнять свои обязанности. На очередном четверговом докладе он блестяще выступил перед руководством, представив математически выверенный анализ ситуации с филигранной точностью.

За чередой напряженных рабочих будней дни пролетели незаметно. Наконец Морис перешел на удаленный режим работы, и для обоих начался долгожданный предсвадебный отпуск.

Стояло начало апреля — пора буйного весеннего цветения. Ночи сделались совсем теплыми, и столбик термометра уже не опускался ниже восемнадцати градусов.

В спальне царил уютный полумрак. Сквозь открытые окна лился мягкий лунный свет, серебра кусты цветущих роз в саду. Ночной ветер лениво гнал мелкую рябь по глади открытого термального бассейна, бросая на потолок и стены зыбкие сапфировые блики.

Морис устроился в глубоком кресле у террасы. Его лицо дышало умиротворением, пока он неторопливо, страница за страницей, читал толстую «Энциклопедию беременности». В рабочие будни выкроить на это время было невозможно, и теперь, в отпуске, он наконец-то мог позволить себе полностью расслабиться. Рядом с ним сидел Хань Цзин. Положив на колени портативный терминал, он сосредоточенно анализировал данные о научной системе планеты Нордик.

— Нам дали целых две недели, половина отпуска уже позади. Ты уверен, что не хочешь отправиться в свадебное путешествие? — Морис прижал ладонь к пояснице и слегка помассировал затекшие мышцы. На шестом месяце беременности сидеть подолгу становилось все тяжелее.

— А у тебя есть на примете какое-то место? — Хань Цзин отложил терминал и, заметив, что Морису неудобно, пересел поближе, чтобы размять ему спину.

— Мне хорошо везде, где есть ты. Я лишь переживаю, что ты отказываешься от поездки из-за заботы обо мне.

— Вовсе нет. После возвращения из миссии SG-I я чувствую себя выжатым как лимон. Мне хочется только одного — быть рядом с тобой, в тишине и уюте. Тебе сейчас тоже нужно беречь силы. К тому же я уже договорился о скромной церемонии в церкви.

Хань Цзин подбирал слова очень осторожно. Он понимал, насколько Морис уязвим сейчас из-за изменений в своем теле: генерал избегал даже домашней прислуги, не говоря уже о толпах праздных туристов на курортах.

Хань Цзин приобнял Мориса за плечи и нежно спросил:

— Так лучше? Я расспросил специалистов на курсах для будущих родителей. Если мягко массировать вот эту точку... да, прямо здесь... то напряжение в крестце постепенно спадет. Чувствуешь?

— Да... действительно помогает, — выдохнул Морис, расслабленно откидываясь на его грудь. — Я ведь знаю, что ты всё делаешь ради меня. Когда малышка родится, мы обязательно полетим на курорт Синтия на Юпитере. Там неописуемо красиво. Земля таких пейзажей предложить не может.

— Как скажешь... — прошептал Хань Цзин, целуя его в висок.

Они немного посидели в тишине, наслаждаясь близостью друг друга. Когда затекшая поясница Мориса окончательно расслабилась, Хань Цзин убрал руки, поднялся и принес со стола незапечатанный конверт, который подготовил заранее.

— «Моему дорогому Морису»? — Морис не смог сдержать улыбки, принимая конверт. Его забавляло и трогало то, каким консерватором Хань Цзин оставался в глубине души, предпочитая бумажные письма цифровым сообщениям.

Внутри оказались две пластиковые карты и лист плотной, качественной бумаги. Почерк у Хань Цзина был аккуратным и изящным. Но по-настоящему сердце Мориса согрело содержание письма: искренние, глубокие признания и клятвы любви были столь нежными и пылкими, что их неловко было бы произносить вслух.

Морис долго вглядывался в написанные строки, перечитав их несколько раз от начала до конца, прежде чем поднять взгляд, полный невыразимой нежности.

— Спасибо тебе, — тихо произнес он. Будучи по натуре немногословным, всю бурю чувств он вложил в эти простые слова.

Хань Цзин ласково поцеловал его в губы и улыбнулся:

— Это я должен благодарить тебя. Завтра мы свяжем наши судьбы навек.

Морис прикрыл глаза, отдаваясь долговому, полному тихой страсти поцелую. Когда они наконец отстранились друг от друга, он указал пальцем на одну из строчек в письме:

— Вот с этим пунктом я не согласен. Всё мое принадлежит тебе. И зачем ты отдаешь мне свои банковские счета и зарплатную карту? Я думал, тогда ты просто шутил.

Морис вспомнил, как в прошлый раз наотрез отказался принимать его деньги, и вновь нахмурился.

Хань Цзин мягко, но с непреклонной твердостью покачал головой:

— Морис, мы оба знаем, что значат наши чувства. Но я не хочу, чтобы перед обществом ты выглядел уязвимым. Решившись выносить ребенка и жениться на мне, ты пошел на огромные жертвы для боевого генерала. Я обязан сделать всё, чтобы защитить твое достоинство, и в финансовых вопросах уступать должен я. К тому же я не позволю твоему отцу презирать меня и думать, будто я польстился на статус Норманов или их богатство. Я хочу делом доказать ему, что люблю тебя без всякой корысти. Мои чувства чисты, и всё, чего я желаю, — это оберегать тебя и состариться вместе. Так что возражения не принимаются. К тому же я совершенно не умею распоряжаться деньгами, а для нашей малышки хочется лучшего будущего. Возьмешь на себя эту сложную задачу?

Понимая, насколько этот жест важен для мужского самолюбия Хань Цзина, Морис не стал спорить и принял карты.

— Сам я в финансовых делах тоже мыслю слабо. Но у нашей семьи есть доверенные управляющие, я перепоручу это им.

— С такими профессионалами наша дочь будет расти как настоящая принцесса.

— Не стоит излишне баловать детей, дисциплина важнее, — строго заметил Морис, вспомнив жесткое армейское воспитание, которое получил сам.

— Дисциплина хороша для мальчиков, а у нас будет девочка. Малышек нужно баловать и окружать заботой...

Они шутливо спорили, обсуждая воспитание будущей дочери и строя планы на счастливую жизнь, но оба старательно обходили молчанием одну тему. Завтра должна была состояться регистрация брака, а генерал Грант так и не сменил гнев на милость. Бережа покой Мориса, Хань Цзин даже собственным родителям сообщил о свадьбе лишь вскользь, решив раскрыть все подробности уже после того, как дело будет сделано.

— Устал? — Хань Цзин бросил взгляд на часы на прикроватной тумбочке: стрелки перевалили за десять вечера.

На поздних сроках беременности показатели здоровья Мориса оставались превосходными, но усталость накапливалась быстрее. Силы оставляли его уже к одиннадцати часам, и он засыпал настолько крепким сном, что даже не замечал, как Хань Цзин посреди ночи тихо выскальзывал из постели и возвращался к работе за терминалом.

— Да, — Морис нехотя потянулся в кресле. — Сам не понимаю почему, но в последнее время сонливость просто валит с ног.

— Это естественно, малышка сейчас быстро растёт. Я уже приготовил для тебя теплую ванну. Пойдем, только аккуратнее. — Хань Цзин бережно подхватил его под руку. Его забота и тревога подчас превосходили даже то, как опекал Роджера его супруг.

После нескольких безуспешных попыток отстоять самостоятельность Морис перестал протестовать. Он понял, что спорить бесполезно — в вопросах его безопасности Хань Цзин проявлял железное упрямство.

Вода в ванне всегда была идеальной температуры, пушистые полотенца лежали на привычном месте, у бортика расстился нескользящий мягкий коврик... Ненавязчивая, безупречная забота Хань Цзина стала для Мориса столь же естественной, как воздух, просочившись в самую его кровь.

Когда Морис вышел из ванной комнаты, постель была уже расстелена. Опустившись на мягкие подушки и укрывшись теплым одеялом, он блаженно улыбнулся.

В этот момент в спальню вошел Хань Цзин с подносом, на котором дымилась пиала с кашей из черного риса и красных фиников.

— За разговорами чуть не забыл о самом главном, — с улыбкой произнес Хань Цзин, присаживаясь на край кровати.

— Из-за твоей заботы я, кажется, скоро перестану помещаться в форму, — шутливо пожаловался Морис, принимая пиалу.

— И вовсе не поправился. Просто лицо немного округлилось, — нежно возразил Хань Цзин. Его сердце наполнялось гордостью. На вчерашнем осмотре Марко подтвердил, что плод развивается без малейших отклонений, да и сам Морис благодаря тщательному уходу выглядел цветущим.

— А ты сам поел? Тебе ведь тоже нужно восстанавливать силы после травмы спины, — Морис с сомнением посмотрел на темную кашу. Будучи далеким от восточной медицины и принципов здорового питания, он тем не менее послушно ел всё, что готовил Хань Цзин. Токсикоз давно отступил, и Морис, ценя заботу, неизменно хвалил каждое блюдо.

— У меня уже ничего не болит. Если не веришь, можешь проверить сам.

— Покажи, — Морис отставил пустую пиалу.

Хотя каждую ночь они предавались ласкам, в моменты близости разум Мориса затуманивался

от сладкой истомы, и наутро он с трудом мог вспомнить, как именно выглядели следы от побоев на спине его партнера.

Хань Цзин послушно задрал край домашней футболки. На мускулистой спине, где еще недавно багровели страшные кровоподтеки, теперь едва виднелись лишь бледные следы.

— Не забывай, я ведь тоже выжил в Атлантиде. Мой организм регенерирует гораздо быстрее, чем у обычных людей.

— Знаю... — Морис тихо улыбнулся.

Его тревога утихла, но мысли унеслись далеко назад. Термином «уцелевшие в Атлантиде» называли ту немногочисленную группу людей, которая первой проникла в затонувшие в пучинах Атлантики руины Атлантиды. Все они впоследствии частично потеряли память. Даже сам Морис не мог вспомнить, каким образом оказался на запредельной глубине древнего города. Однако погружение в Иллюзию Атлантиды пережили только они двое с Хань Цзином.

Ни спасатели, ни ученые, прибывшие в подводный комплекс Атлантиды позже, не подверглись воздействию этого загадочного излучения. Его влияние затронуло лишь первопроходцев, определенным образом перестроив их тела. И что удивительнее всего: способность к сильной ментальной связи проявилась исключительно у них с Хань Цзином. Вдобавок его собственное безупречное здоровье, эта странная, физически невозможная сила веры... Вся его жизнь теперь казалась ему головоломкой, скрытой плотной пеленой тумана.

— О чем ты задумался? — ласково спросил Хань Цзин, забирая пустую пиалу. Его глаза светились радостью. — Хочу поделиться с тобой отличной новостью. Днем, пока ты спал, мне звонил Роджер. Гленн родил! Прекрасная королевская двойня, мальчик и девочка. Роджер от счастья буквально не находит себе места, в трубку так и сиял!

— Правда? — Морис отвлекся от своих невеселых размышлений. — Гленн рожал дома?

— Да, дома, — Хань Цзин уловил перемену в настроении Мориса и невольно нахмурился, вспоминая детали разговора с Роджером. — Всё закончилось благополучно, но, по словам Роджера, роды были невероятно тяжелыми. Всё затянулось почти на сутки. Морис... может, нам всё же стоит поехать в госпиталь? Кесарево сечение куда безопаснее.

— Я боевой офицер. Если Гленн справился со всеми трудностями, неужели я окажусь слабее?
— отрезал Морис тоном, не терпящим возражений.

Немного помолчав, он добавил мягче:

— Кое-что я скрывал от тебя, чтобышний раз не волновать тебя. Особенности регенерации моего организма делают хирургическое вмешательство нежелательным. Марко настоятельно

рекомендовал естественные роды.

— Но почему?! Разве идеальное здоровье может стать помехой? — испуганно спросил Хань Цзин, чувствуя, как внутри всё сжимается от плохого предчувствия.

— Клетки восстанавливаются слишком быстро. Стоит скальпелю... — Морис осекся на полуслове. Его телефон на прикроватной тумбочке внезапно зазвонил, избавив его от необходимости подбирать деликатные объяснения.

Хань Цзин протянул ему трубку. Он заметил, как в один миг стерлась мягкая улыбка с лица Мориса. Тот подобрался, напрягся и нажал кнопку приема.

Разговор продлился не больше полуминуты. Морис не успел вставить и слова — абонент на том конце провода почти сразу прервал связь.

— Звонил отец... — глухо произнес Морис спустя долгую паузу. Он поднял взгляд на встревоженного Хань Цзина. — Регистрацию придется ненадолго отложить. Отец требует, чтобы мы приехали к нему. В эти выходные.

<http://bllate.org/book/19677/2006478>